

Г. П. МАКОГОНЕНКО

УЧЕНИЕ РАДИЩЕВА ОБ АКТИВНОМ ЧЕЛОВЕКЕ И ПУШКИН

I

Политическая концепция просветителей определила своеобразие их понимания человека. Восставая против феодального строя неволи, защищая права личности, отстаивая ее внесловную ценность, просветители надежды на ее освобождение возлагали на просвещение. Все общественные и социальные беды, по их мнению, — от непросвещенности разума. Просвещением и должны были заниматься великие мужи. Огромную роль в воспитании людей, в исправлении нравов играло искусство. Но самым мощным воспитателем являлись законы. Существующие несправедливые, неразумные законы повергали народ, всех людей в бездну несчастий. Источником законов в феодальном государстве является монарх. Просветив монарха, можно было добиться от него издания новых законов, которые преобразуют нравы, а те — перевоспитают людей. Тем самым политическая теория просветителей обрекала человека на пассивность. В реальном социальном мире он — жертва, и потому объявлялся объектом внимания и забот. Свободу ему должны были принести великие благодетели человечества — философы, политики, законодатели. Единственной формой активности человека оказывалось его индивидуалистическое самоутверждение во враждебном ему обществе.

Та же теория просветителей не позволяла понять подлинной роли народа в общественной и политической жизни страны. Народ представлялся собранием индивидуумов, у которых в ходе истории отняли их естественную свободу. Теперь, пребывая в рабстве, он должен был жить надеждой, что избавление от рабства, всех бед и несчастий ему принесут мудрые и человеколюбивые законодатели и занимающиеся их просвещением философы и писатели.

Выражая общее мнение просветителей, Гольбах писал: «Велением судьбы на троне могут оказаться просвещенные, справедливые, мужественные, добродетельные монархи, которые, познав истинную причину человеческих бедствий, попытаются исцелить

их по указаниям мудрости».¹ Непринятие идеи народной революции, буржуазная ограниченность, рождавшая страх перед социально-политической энергией народа, не позволили просветителям понять его как субъект истории, увидеть в нем творца собственной судьбы. Оттого и искусство, вдохновленное просветительской идеологией, не смогло изобразить действительную жизнь народа, понять его роль в истории.

Преодоление слабых сторон некоторых просветительских — политических, этических и эстетических воззрений — могло быть осуществлено только с революционных позиций. Радищев был революционером. Революционные убеждения Радищева определили его писательскую позицию. Он не мог потому принять просветительские взгляды на пути к освобождению человека и народа. Пересматривая их, он дополнял и обогащал эстетический кодекс нового искусства, определяя национально-самобытные пути развития поэзии действительности.

Радищев-революционер возлагает надежды на самого человека — «пленника в отечестве своем». Да, общество, основанное на собственности, повергает его в «плен», «уродует» и искажает его общественную природу, развивает в нем губительные страсти — эгоизм, «мерзкое сребролюбие», «алчное любочестие», которое «всю землю зрит своим подножием». Развращение доходит до того, что человек, оказавшийся в оковах, стал даже «кланяться воздвигнутому им самим богу и облекшею его багряницею, поставил на алтарь превыше всех, воскурил ему фимиам». Воистину могучая сила обстоятельств — правления и законов тех, кто «повелевает» другими людьми, если они даже научают любить и обожествлять своих поработителей. Радищев-материалист видел деспотическую силу обстоятельств, подчиняющих себе человека. Но Радищев-революционер увидел и открыл еще и другое: человек не безразличен к угнетающей его силе обстоятельств, он не пассивная жертва, способная только покоряться. Он потому и «венец творения», «божество», что может понять несправедливость, враждебность общественного строя рабства. Человек знает, что «мета наша на земле относится к устроению нашему, из чего следствие бывает блаженство». В силу этого человек осознает, что общество может сделать его и блаженным, и несчастным: «Так образуют его законы и правления, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий» (365).²

Это знание и определяет активное отношение «пленника» к враждебным ему обстоятельствам. Рассказывая о жизни человека под началом «зверообразного самовластья», Радищев, ссылаясь на опыт истории, пишет, что по прошествии времени он

¹ П. Гольбах. Система природы. М., 1940, стр. 430.

² А. Н. Радищев. Избранные сочинения, ГИХЛ, М.—Л., 1952, стр. 365. Дальнейшие ссылки по этому изданию в тексте.

свергает эту власть и завоевывает отнятую у него свободу: «Но, наскучив своею мечтою и стряхнув оковы и плен, попрал обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого».

Учение об активном человеке и его возможности влиять на обстоятельства и даже ниспровергать их было прямым выражением революционных убеждений Радищева. История свидетельствовала, что уже не раз люди, попавшие «в плен», сообщая низвергали кумира, уничтожали власть, поработившую их, силой оружия добывали свободу. Так возникали революции. В XVII в. революция потрясла Англию. Всего пятнадцать лет назад «стремление к блаженству» определило революционное выступление американцев против «звероподобного самовластия» английского короля. Исторический опыт позволил признать право и возможность человека своими силами вернуть себе отнятую поработителями свободу, ниспровергать враждебные ему обстоятельства — «правление и законы» монархии.

Признав человека силой, которая может противостоять обстоятельствам, Радищев отлично понимал всю сложность взаимоотношений обстоятельств и человека. С одной стороны, обстоятельства действительно деспотичны, они подавляют, формируют и уродуют природу человека. С другой — человек может подняться против них и даже уничтожить. Но для этого нужно время, «уготовление», необходимо, чтобы в недрах общества созрели условия освобождения от «оков и плена». Ниспровержение враждебных обстоятельств не есть прихоть, результат лишь субъективных желаний — это объективно подготавливаемый акт. В оде «Вольность» Радищев писал о русской революции: «Но не пришла еще година, не совершились судьбы; вдали, вдали еще кончина, когда иссякнут все беды». В «Путешествии» было сказано, что революция в России дело будущего: «Я зрю сквозь столетие». Следовательно, в самой действительности, в самом обществе зреют силы, которые приведут к устранению «самовластия» и установлению свободы. Ход исторического развития, следовательно, оптимистичен. Но это не значит, что человек должен сидеть, сложа руки, и ждать терпеливо и смиренно лучшего будущего. Только неустанно двигаясь по пути совершенствования, только выполняя свое назначение — устраивать и готовить на земле свое блаженство, человек утверждает свое существование как человеческое.

Созревшие условия для ниспровержения враждебных обстоятельств, условия революции являются самыми сильными и успешными воспитателями человека, оказываются наиболее благоприятными для проявления лучших, дремавших дотоле способностей личности. Ссылаясь на английскую революцию, Радищев писал в философском трактате: «Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как-то: на войне великие

качества военного человека, но заключенный в тесную округу монашеские жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами». «История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет» (428).

Из оды «Вольность» совершенно ясна мысль Радищева, что освобождение осуществляет не человек-единица, а народ, все те «пленники», которые в назначенное время «с веселием мщениа» обрушатся на своих притеснителей. Народы, утверждает Радищев, «могут мстить за себя». В трактате о народе и его роли в истории ничего не сказано, и вместе с тем мысль Радищева всюду одна и та же. Он видит и показывает разделение общества на две социально-враждебные и неравные группы, — на тех, кто «в оковах», и тех, кто «повелевает». Революционер и выражает веру не в благодетелей человечества, а в энергию, в творчество, в силы «пленников в отечестве своем», которые и являются народом.

2

Учение об активном человеке было краеугольным камнем радищевской эстетики. Оно обогащало реализм, делая его способным показывать не только зависимость человека от социальной среды, но и возможность его выступить против нее. Односторонний показ только власти обстоятельство лишал человека активности, рождал мысль о роковой предопределенности сложившегося правопорядка, изменить который не в силах и не во власти человека. Смирившийся человек лишался подлинного достоинства. Враждебная ему среда, постоянно унижая и обедняя личность, в конце концов извращала его чувства и представления. Человек утрачивал свое величие, способность стремиться к высокому, становился маленьким, жалким, заслуживающим лишь филантропического попечения сильных мира сего.

Радищевское открытие позволяло художнику-реалисту находить пути подлинной самореализации человека. Выстраданная им вера, что истинная цель жизни — совершенствование, воодушевляла на сопротивление злу, законам среды, враждебным людям. Реализм обретал возможность изображать прекрасного человека, одушевленного истинными и великими идеалами. Попытка реализовать эту возможность была предпринята самим Радищевым в книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Наиболее художественно-убедительных результатов художник-писатель добился при изображении народа.

Для Радищева народ — субъект истории, определяющий ее ход. На первых же страницах книги он создает образ бурлака: «Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обогранный кровью от оплеух, многое может решить, доселе гадательное в истории российской».

Образ бурлака великолепно передает радищевскую неукротимую веру в светлое будущее России, в творческую мощь народа.

Создавая «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев опирался на опыт пугачевского восстания. Вот когда обстоятельства оказались отличным случаем «для развертывания великих дарований». Изображая русских крепостных крестьян, людей, отягощенных рабством, сведенных на положение «тяглового скота», Радищев героизировал их, видя в каждом ту дремлющую до случая силу, которая сделает его истинным сыном отечества, патриотом, деятелем революции. Обаяние и нравственная красота русских крепостных радищевского «Путешествия» в том и состоит, что мы чувствуем в каждом из них будущего деятеля, освободителя России. Через индивидуальный облик каждого просвечивает его будущая судьба свободного человека.

3

Радищевым Пушкин занимался всю жизнь. Для него Радищев — живая, нужная ему писательская индивидуальность; его литературное наследство, его мысль, его политическая позиция, его эстетическое новаторство или принимались Пушкиным, или отвергались, или отстаивались в споре. Все лучшее, созданное Радищевым-писателем, все открытое им вошло прежде всего в творческое сознание Пушкина, для того чтобы обрести новую жизнь на высшей ступени эстетического развития. Для Пушкина Радищев — один из завершителей XVIII века, его великий итог. Сам же Пушкин, в новых исторических условиях, выступил родоначальником и зачинателем новых традиций уже для последующих поколений русских писателей.

С Радищевым Пушкин начал знакомиться уже в Лицее. Но к Радищеву-революционеру Пушкин обращался не только в пору вызревающей дворянской революционности. С особым вниманием и своеобразным пристрастием Пушкин вновь и вновь перечитывал Радищева в 30-е годы. Причем интерес к Радищеву теснейшим образом переплетается с изучением материалов о крестьянской войне 1773—1774 гг. и ее вожде Пугачеве. Зимой и весной 1833 г. Пушкин работал в архиве над следственным делом о Пугачеве и писал «Историю Пугачева» (первая редакция). В декабре 1833 г. писалась статья «Путешествие из Москвы в Петербург» — вдохновленная знаменитой революционной книгой Радищева. Под влиянием «Путешествия» Радищева вносились исправления и в «Историю Пугачева». В это же время складывались планы и будущего романа о дворянине-пугачевце. В 1835—1836 гг. создавалась первая редакция «Капитанской дочки», и в те же месяцы изучались и собирались факты биографии Радищева для статьи «Александр Радищев», написанной для «Современника».

Статья «Александр Радищев» была написана не только для того, чтобы напомнить русскому читателю о жизни и деятельности замечательного человека, писателя, философа и революционера. В ней Пушкин на конкретном примере решал важнейший для общественного движения 30-х годов вопрос о поведении человека, живущего в условиях деспотического самодержавия и рабства. Изучение опыта европейской и американской революций, не принесших народам обещанной свободы, с одной стороны, и русской, трагически кончившейся крестьянской войны и восстания декабристов, — с другой, подорвало пушкинскую надежду на революцию, как средство завоевания свободы. Оттого в своей статье он искренне говорит об ошибочности радищевских упований. И в то же время он сочувственно относится к самому факту выступления Радищева против самодержавия. Этот момент биографии писателя выписан Пушкиным подробно. Сначала им восстанавливаются исторические обстоятельства выступления Радищева: «Сила правительства», «строгость законов той поры», «суровые люди», окружавшие престол Екатерины, — казалось, в этих условиях протест невозможен. Но случилось иначе: «мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины».

Такова драматическая коллизия. Радищев не только ненавидит самодержавие и рабство, но и отлично понимает могучую силу самодержавия, знает, что в своем протесте он одинок и не будет никем поддержан. Народ, который, по его убеждениям, только сам может добыть себе свободу, сделает это не скоро, только при благоприятных обстоятельствах, в далеком будущем. Как же в этих условиях должен был вести себя Радищев? Рисую эту коллизию, Пушкин задавал вопрос своим современникам. Вопрос был животрепещущим. Он напоминал и о судьбе декабристов. Хотя они действовали сообща и каждый участник заговора надеялся на соединенные силы своих товарищей, но все равно силы борющихся сторон были не равны — с одной стороны горсточка отважных, с другой — всеислие деспотизма.

Выступление в таких условиях, без надежды на победу, пишет Пушкин, «покажется нам действием сумасшедшего». И все же, продолжает свою мысль Пушкин, поступок Радищева понятен и, более того, — закономерен. Учитывая цензуру, всячески оговариваясь, внося в текст спасительные эпитеты, он оправдывает и приветствует драматическое разрешение конфликта Радищева с самодержавием. Да, пусть поступок Радищева — «преступление», говорит Пушкин, «но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестью».

Оправдание поступка Радищева было главным в статье Пушкина. Обстоятельства жизни в России не изменились, и потому

путь Радищева, путь активного протеста открыт для всякого, кто убедился в несправедливости социального строя рабства, кто сам угнетен деспотизмом.

Подобная характеристика «поступка» Радищева извлекалась Пушкиным из опыта жизни революционера, вытекала из его учения об активном человеке. Всем ходом развития Пушкин в 30-е годы был подготовлен к усвоению этого учения. Пушкин выстрадал горькую истину — революция невозможна, или, в случае ее победы, она не принесет свободы народу, как не принесли свободу революции во Франции, Америке, Англии. Но стало ясным, что невозможно ждать свободы и от монархов, даже просвещенных, от великих «отчинников» и других благодетелей человечества. Статьей «Путешествие из Москвы в Петербург» он подтверждал — свободы можно ждать только от «тяжести порабощения». Как и когда это произойдет — Пушкин не знал — история и действительность не давали так нужного знания. В этих условиях особую остроту приобретал вопрос о характере общественного поведения человека.

4

Проблема активности человека и его возможности «вооружиться противу общего порядка» станет центральной в творчестве Пушкина 30-х годов. В статье «Александр Радищев» она решалась на материале жизни известного исторического деятеля. В поэме «Медный всадник» и романе «Капитанская дочка» дается художественное воплощение нового пушкинского идеала человека.

«Обстоятельства делают великого мужа» — формулировал свой вывод Радищев. Этому открытию последовал Пушкин, когда писал «Капитанскую дочку». Его Пугачев до начала восстания — смелый, смысленый, мало чем отличающийся от других, казак. Но вот он не захотел более терпеть угнетения, «вооружился противу общего порядка, противу самодержавия», и буйно раскрылись нравственные богатства его личности. Новые обстоятельства свободы и борьбы сделали его вождем восставших, умным политиком, тонким дипломатом, сильным, мудрым и прекрасным человеком.

Новый метод изображения человека, способного «вооружиться» на среду, самозабвенно пойти во имя справедливости навстречу враждебным ему обстоятельствам, впервые торжествовал в поэме «Медный всадник». Понимание нового качества пушкинского реализма 30-х годов может помочь раскрытию пафоса этой гениальной поэмы.

«Медный всадник» родился в раздумьях о судьбе человека в самодержавной России. Героями поэмы стали Петр I, скромный чиновник Евгений и Петербург — это блистательное воплощение прекрасных творческих сил народа-созидателя. Отдавая должное

Петру, поэт воспел его гений, сумевший поднять народ на строительство великолепного города на берегу моря, среди лесов и болот. Но при этом он показывает и второй, страшный, античеловеческий лик самодержавной власти. Город, созданный народом, превращенный в столицу Российской империи, стал обидчиком всех обездоленных. Простой человек в нем, такой, как Евгений, лишь «челобитчик», обреченный ждать милостей «у дверей ему не внемлющих судей». Идейным центром поэмы стал мятеж Евгения. Пушкин оправдывает этот протест утесненного и обездоленного человека.

Поэт внимательно прослеживает духовную эволюцию Евгения. Поначалу он, как все, живет, подчиняясь во всем власти обстоятельств. Мелкий бедный чиновник, трудом доставляющий себе «и независимость, и честь», он ни на что не жалуется, поскольку привык к ничтожности своего существования, смирился с ним. После наводнения, одинокий, никому не нужный, превращенный в «челобитчика», Евгений смиренно опускался на дно. В этих-то новых обстоятельствах, когда чаша терпения Евгения переполнилась, он вдруг стал жить новой, непривычной для него, напряженно-духовной жизнью. «Ужасных дум безмолвно полон, он скитался» по роскошной, парадной столице. Физические страдания не мешали ему сосредоточиться. В душе Евгения зрели грозные мысли, и, наконец, «он оглушен был шумом внутренней тревоги». Вот эта «внутренняя тревога» и вывела Евгения из сферы частного бытия в сферу жизни всеобщей. Ему открывается причинная связь его несчастий с политикой русских самодержцев. Становится ясным, что его действия порождены враждебными ему людьми. Обнаружив обидчика, он чувствует, как рождается в нем высокое стремление сопротивляться насилью, неправде, злу.

Протест против насилия и делает Евгения настоящим человеком, который сознает свое право судить «кумира» и бросить ему в лицо грозное, но справедливое — «Ужо тебе!». Только поэт, сам движимый ненавистью к самодержавию, оковавшему его лицемерными милостями, поэт, всю жизнь отстаивавший свободу и независимость человека, мог с таким вдохновением описать светлую минуту рождения в человеке готовности к самоотверженной и беззаветной борьбе.

Учение Радищева об активном человеке, способном преодолевать силу угнетающих его обстоятельств, обогащало реализм. Но то, что у Радищева-писателя было выражено как возможность, у Пушкина, гениального художника, стало действительностью. Именно Пушкин и сделал реализм еще более могущественным в познании и воспроизведении жизни, в ее подлинной истине.